

СОДЕРЖАНИЕ

[ПРЕДИСЛОВИЕ]	5
[НА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЕ]	9
НЕЗРЯЧАЯ БАБУШКА	9
ИНТЕРЛЮДИЯ	12
ИРА	13
«СТО ПЯТЫЙ»	16
ИНТЕРЛЮДИЯ	19
ЛИСЁНОК	26
ГОРЛОВКА	32
ПОСЁЛОК ВЕСЁЛЫЙ	34
ВАЛЯ ГЕТМАНЧУК	37
ДОНЕЦК ВОСКРЕСШИЙ	39
ИНТЕРЛЮДИЯ	42
«МИШЕНЬКУ МОЕГО УБИЛИ»	47
ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА	50
ВИКТОРИЯ ЗУЕВА	51
ТРУДОВСКИЕ	53

ВИТЯ АРТЕМЬЕВ	55
ИНТЕРЛЮДИЯ	58
ТАРПАН.....	62
НЕГР	66
ДИАЛОГИ «ПРИЗРАКА».....	70
ЖЕЛОБОК.....	75
ЗОЯ	79
ЦУПКА.....	83
ДЯДЯ ВОВА.....	86
БОГАТЫРЬ	90
ИНТЕРЛЮДИЯ	93
СВЕТА АГАБАБЬЯНЦ	99
ДОБРЫЙ.....	102
КАРАНТИН.....	105
ВЛАДИК ДМИТРИЕВ.....	108
НЮТА	114
ЕЛЕНА АНТОНОВНА	118
ИНТЕРЛЮДИЯ	124
ИРИНА ЮРЬЕВНА	127
МАЛЬЧИК.....	131
НЕКОНДИЦИОННАЯ.....	134
КОМАНДИР, ПОТЕРЯВШИЙ ПЯТЕРЫХ	145
ЛЕОНТЬИЧ.....	150
ПЁТР ОЗОЛИН.....	153

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ]	158
ИНТЕРЛЮДИЯ	158
«ЧАСТЬ ЗА РОССИЮ, А ЧАСТЬ ЗА УКРАИНУ, НО "В КРЫСУ"»	160
ОБРАЗ ВРАГА	163
ПЛЕННЫЕ	167
НИ ВО ЧТО НЕ ВЕРИТЬ И ВО ВСЁМ СОМНЕВАТЬСЯ	173
«С ТРУБ РЖАВУЮ ВОДУ СЛИВАЛИ...»	182
МАРИУПОЛЬСКИЕ СНАЙПЕРЫ	185
«ПОСТРЕЛЯЛИ, СУКА, НОГИ! НЕНАВИЖУ!»	192
НАДЕЖДА НА МИРНУЮ ЖИЗНЬ	197
ПОД ЗАВАЛАМИ	201
ПЛИТНИК БЕЗ ПЛИТ	206
«И ЗА МОИ ЖЕ ДЕНЬГИ ТЫ МЕНЯ УБИВАЕШЬ!»	211
«ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ АД...»	215
ИНТЕРЛЮДИЯ	220
«МАРИНОЧКА, ДОЧЕНЬКА, Я ЖИВАЯ...»	224
9 МАЯ	234
ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК	237
ВЕСНА НА ФРОНТЕ	239
КАК ВЗЯЛИ СВЕТЛИЧНОЕ	242
ТОШКОВКА	247
ИЗЮМ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	251
ИЗЮМ. ДЕНЬ ВТОРОЙ	258
ИЗЮМ. ДЕНЬ ТРЕТИЙ	264

ЗАКАТ	268
ПАМЯТИ ЛИ.....	275
ИЗЮМ: НА КРАЮ ЛЕТА.....	278
ИНТЕРЛЮДИЯ	284
ЗАКАТ: ВСЁ- ТАКИ НЕКРОЛОГ	287
НА ПОЗИЦИЯХ 16 БТРО.....	293
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛК	297
КАК ЗАНИМАЛИ ОКОПЫ ПОД АВДЕЕВКОЙ.....	304
ДОК	308
АРТЁМОВСК	313
ЯРИК	318
«ШТОРМ Z»	321
МЕДПУНКТ	325
МИНОМЁТЧИКИ «ОТВАЖНЫХ»	331
РАЙАН	336
КОЗИНКА	339
ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕРЛЮДИЯ.....	345

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

Я не сказала ему, что люблю его, в тот день. Я уже шесть лет думаю о том, что не сказала. Видите ли, мы очень часто повторяли эти слова — они не то что бы вмещали всё то, что мы хотели сказать, но ничего точнее не было. А в тот день — нет, не говорила. Он уверял меня, что война закончилась, и мне незачем о нём переживать. Под войной подразумевалась Дебальцевская операция, и, как выяснилось, она не закончилась.

Так вот, я не говорила ему, что люблю его. На следующий день я увидела, что он был в сети только накануне. Выпила кофе, съездила в автошколу, разогрела замороженную лазанью, отправила: «Я начинаю необъяснимо волноваться, когда ты пропадаешь». Потомбрякнуло сообщение: мне писал незнакомый человек, который сообщал, что Алексей Журавлёв погиб и просил в этом случае дать мне знать.

Я не знала, что делать в таком случае, поэтому я упала на пол и заорала. У меня была обычная жизнь, нормальная жизнь, и я не умела справляться с чем-то подобным. Ну то есть как это: вот он был, живой, смешной и тёплый, и мы были безумно влюблены и уверены, что это и есть «до гроба», а теперь его нет.

Наверное, именно в тот момент меня спасло допущение, что это может быть какой-то невероятной провокацией, коварным планом, чтобы заманить меня в украинский плен.

Я решила, что поеду в Луганск, выясню всё лично, а если это правда, то, конечно, умру, что тут делать ещё? Я взяла билет на поезд, опоздала на него; бывший муж взял мне другой билет — на самолёт до Ростова. Когда я прилетела, было яркое солнце, а когда автобус доехал до луганской границы, полетел снег. Я увидела людей в военной форме и заплакала.

Не то чтобы я собиралась бросать всё и переезжать к нему в Луганск. Мы думали, что война закончится, и он обоснуется со мной в Петербурге. Но, в принципе, я не исключала того, что она затянется, и тогда я переберусь в Луганск, хотя, конечно, этот вариант нравился меньше. В общем, я впервые увидела людей в военной форме, и почему-то мне стало совсем нестерпимо. Мы ехали через бесконечную степь, а я думала: «Ведь нас могут обстрелять, правда, могут?» Незадолго до этого снаряд как раз прилетел в маршрутку возле города Волноваха, и я просила: «Господи, пусть что-нибудь случится, пусть я не доеду, пусть я не увижу его мёртвым».

Я не думала о других; горе максимально эгоистично.

Я вышла на луганском автовокзале, и там меня уже ждали хмурые офицеры в камуфляже «флора», я увидела их и поняла, что это ни-

какой не хитрый план, что моего Журавлёва действительно больше нет. Они повели меня к лейтенанту Жене, он принял на себя командование батареей после Лёшкиной гибели. Это был частный дом прямо в центре Луганска. Они вливали в меня коньяк, рассказывали, как Лёшкина батарея — тогда он ещё был не капитаном, а необстрелянным вычислителем — держала оборону в районе посёлка Металлист летом 2014 года. Я плакала, и смеялась, и гордилась им, и было совершенно понятно, что дальше жить не получится.

Всё-таки на следующий день я потребовала, чтобы меня отвели в морг, и я увидела его, я не могла ждать ещё день до похорон. Лёшкина смерть была настолько невозможной, что где-то на задворках сознания сохранялась надежда на чудо.

У него было очень спокойное лицо. С тех пор, как я видела его в последний раз перед этим, он отрезал свои шикарные длинные волосы, в остальном же не слишком изменился, но под этим коротким армейским ёжиком я видела рану и помнила, что он умирал семь часов, его успели довести до Луганска, но он умер от кровопотери.

На похоронах мне отдали его штык-нож и две медали, всё остальное — матери, которая приехала из Одессы. Я запомнила: луганское кладбище Острая Могила было расчерчено на кварталы, и его похоронили в девяносто пятом квартале, вот такой юмор, совсем свежем,

«ополченском». Ночью после похорон я проснулась и пыталась выбежать куда-то на улицу.

Дорогу обратно я не запомнила, хотя автобус до Петербурга шёл больше суток. Только помню, как на таможне заторможенно спрятала штык-нож под свитер; рамка звенела, но таможенник решил, что это какой-то сбой.

Мне было очень страшно, что я покончу с собой, а ад существует, и поэтому я разминусь с Лёшкой после смерти. Сначала я решила пойти воевать в его батарею, потом встретила человека, который сказал мне, что я неплохой журналист, а вот какой артиллерист из меня получится — вопрос.

— Да и вообще, — добавил он, — по «Минску-2» артиллерию отводят от фронта, военкомом у тебя шанс погибнуть реально выше.

Это был аргумент. Я на тот момент уже два года как не работала журналистом и не собиралась возвращаться в профессию. Но после этого устроилась на первый попавшийся сайт, раздарила вещи и уехала в Луганск через три недели после того, как впервые увидела его на Лёшкиных похоронах. Так я стала военным корреспондентом.

Забыла сказать: когда это всё произошло, нам с ним было по двадцать шесть лет. До сих пор не знаю, много это или мало.

Мой рассказ будет не об этом. Он будет о людях на Донбассе и о том, что я увидела за долгие девять лет.

ГНА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЕ!

НЕЗРЯЧАЯ БАБУШКА

Я познакомилась с ней в мае 2015 года. Шестьдесят восемь лет. Худенькая, седая. — Ой, гости... Да заходите. Сейчас я вам супчика поставлю, картошечки. Нет-нет, сначала покормлю, а потом говорить будем. Хлебушек берите, сама пекла.

По дому передвигалась на ощупь, однако довольно бодро.

У неё была не полная слепота, нет. На нервной почве развилась глаукома на обоих глазах. На одном ещё и катаракта. Вокруг неё была не тотальная темнота, а мир теней и призраков.

Она поставила на стол тарелку супа. Руки дрожали. Она нащупала в раковине тряпку и аккуратно вытерла разлившийся суп.

Раиса Яковлевна Лихитченко была скульптором-оклейщиком. Незадолго до войны у неё умер муж. Когда война началась, снаряд попал в дом, пробил крышу. А потом в Новосветловку вошёл батальон «Айдар».

Как в песне, один из тех, кто пришёл к ней, был рыжий, а второй — «чёрный». Злой следователь и добрый следователь.